А. Ланькова

ЧУЖОЕ СЛОВО В ПОЭЗИИ А.Н. БАШЛАЧЁВА

Научный руководитель – доцент **А.В. Федорова**

Литературное заимствование – сложное понятие, имеющее внутреннюю классификацию и включённое в ряд литературной традиции. Систему понятий, так или иначе относящихся к заимствованию, можно представить в виде схемы.

Разумеется, эта классификация не исчерпывает все сведения о литературном заимствовании. Связи между представленными понятиями гораздо сложнее, чем это следует из схемы.

Исследования работ, посвящённых рок-поэзии, позволяют говорить о преемственности, характерной для произведений представителей этого направления. Это проявляется и в творчестве Александра Николаевича Башлачёва. Его известное творческое наследие – около семидесяти стихотворений-песен. Те или иные виды заимствований присутствуют в 30% из них.

Для удобства работы мы предлагаем разделить заимствования в творчестве А.Н. Башлачёва на пласты. Их можно выделить несколько: заимствования, связанные с библейской тематикой, фольклорные и мифологические заимствования, жанровые заимствования, фразеологические заимствования, заимствования из произведений В.С. Высоцкого, заимствования из произведений «классических поэтов» (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А. Блока, Н. Заболоцкого). Мы затронем два из них – заимствования, связанные с библейской тематикой, и заимствования из произведений В.С. Высоцкого, так как они являются самыми значимыми в поэзии А.Н. Башлачёва.

Главный и, пожалуй, самый большой пласт заимствований в творчестве А. Башлачёва связан с евангельской тематикой. В первую очередь здесь нужно упомянуть четыре стихотворения, объединённые в цикл самим поэтом: «Имя имён», «Вечный пост», «Тесто», «Пляши в огне».

«Имя имён» – так Башлачёв называет Христа, сразу обращая нас к первой главе Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог» [1: 1135]. Трепетное отношение Башлачёва к слову иллюстрирует и стихотворение «Тесто»: «Так значит жить и ловить это Слово упрямо...» [2: 36]. «Имя имён» и «Слово» неизменно пишутся Башлачёвым с заглавной буквы.

В «Имени имён» упоминается рождение Христа, поиск младенца волхвами. В первом же стихотворении цикла явлен образ Страшного суда. Но Страшный суд по Башлачёву не идентичен Страшному суду по Библии: *«Вместо икон / станут Страшным судом – по себе – нас судить зеркала...»* [2: 39]. Башлачёв делает поблажку роду человеческому, предоставляя право судить не иконам, а зеркалам. Вот только Суд от этого не становится менее Страшным.

В стихотворении «Вечный пост» лирический герой предстаёт в образе юродивого, пророка: *«Засучи мне, Господи, рукава! / Подари мне посох на верный путь!»*, удивительным образом трансформирующегося в змея-искусителя: *«Но сегодня вечером я тайком / Отнесу ей сердце, летящее с яблони»* [2: 15]. Развивая тему поэта как пророка, не новую для русской литературы, Башлачёв

вносит в неё этот оттенок искушения. Поэт – носитель высшего знания, которым он и искушает читателя.

Для поэзии Александра Николаевича в целом характерно единство, переплетение христианства и язычества. «Вечный пост» не является исключением. Завершается стихотворение строками: *«Небо с общину. / Всё небо с общину. / Мы празднуем первый гром!»* [2: 15]. Здесь слышны отголоски язычества, поклонение силам природы. Башлачёв в данном случае только отражает русское мировоззрение. Искусственное насаждение веры в Древней Руси породило в нашем менталитете этот синтез язычества и христианства. Именно поэтому все стихи Башлачёва подобной тематики крайне парадоксальны. Не парадоксально ли то, что в стихотворении «Вечный пост» лирический герой – странствующий пророк, то есть человек, которому церковь официально разрешает пост не соблюдать? «Вечный пост» ассоциируется с церковным Великим постом, заканчивающимся Пасхой. А Башлачёв пишет, перефразируя известный фразеологический оборот: *«Хлебом с болью встретят златые дни»* [2: 15]. Пост не должен заканчиваться Пасхой, пост должен быть Вечным. Только так можно искупить грехи и избежать Страшного суда.

Третье стихотворение цикла – «Тесто» – также предлагает варианты искупления грехов. Через боль и любовь к ближнему: *«Тут дело простое – нет тех, кто не стоит, / Нет тех, кто не стоит любви»* [2: 42]. И опять же посреди христианской проповеди появляется фольклорный образ Колобка. Колобок – шар жёлтого цвета, символизирующий Солнце, так же как масленичные блины, а, значит, также элемент язычества. Надо признать, что Башлачёв и сам не отрицает этой двусмысленности: *«Не суди ты нас! На Руси любовь / Испокон сродни всякой ереси. / Испокон сродни чёрной ереси»* [2: 15].

И вот логическая концовка цикла – стихотворение «Пляши в огне», в котором окончательно рушатся все надежды миновать Страшный суд, названный Башлачёвым «Страшным Зудом». Но для Башлачёва это ещё не конец. Ведь его путь к Богу лежит через боль. А где познать боль человеку, как не на Страшном суде? *«Но раз уж объявился в аду – так и пляши в огне. / Сходу пропаду, если нет ни души во мне»* [2: 14]. Значит, если не пропал «сходу», есть душа и есть возможность страданием вымолить прощение.

Евангельские сюжеты присутствуют и в других стихотворениях А. Башлачёва. В стихотворении «Мельница» лирический герой сочетает в себе и «Свободы сеятеля пустынного» А.С. Пушкина, и героя притчи о сеятеле, и Христа, преломляющего хлеба, чтобы

накормить голодных: *«Пуст карман. Да за подкладкою / найду я три своих последних зёрнышка. / Брошу в землю, брошу в борозду – / к полудню срежу три высоких колоса. / Разотру зерно ладонями / да разведу огонь / да испеку хлеба. / Преломлю хлеба румяные / да накормлю я всех / тех, кто придёт сюда / тех, кто поможет мне / рассеять чёрный дым»* [2: 4]. В стихотворении «Некому берёзу заломати» в образе Христа предстаёт весь русский народ: *«Вы швыряли медну полушку / Мимо нашей шапки терновой»* [2: 12].

Образ зерна, хлеба присутствует в таких стихотворениях, как «Тесто», «Как ветра осенние», «Сядем рядом, ляжем ближе...». Путь, который проходит зерно прежде чем стать хлебом, суждено пройти и человеку для того, чтобы приносить пользу: *«Как ветры осенние жали – не жалели рожь / Ведь тебя посеяли, чтоб ты пригодился / Ведь совсем не важно, от чего ты помрёшь/ Ведь куда важнее, для чего ты родился»* [2: 14].

А.Н. Башлачёв был не единственным поэтом, в чьём творчестве присутствует заимствование библейской темы зерна. В качестве примера можно привести сборник В.Ф. Ходасевича «Путём зерна».

Сопоставляя стихотворения В.Ф. Ходасевича «Путём зерна» и А.Н. Башлачёва «Как ветра осенние...», можно сказать, что, несмотря на общность заимствованной темы зерна, это тексты принципиально разные. Во-первых, по наполненности: стихотворение Ходасевича, помимо основной (темы жизни и смерти), содержит только тему преемственности поколений, тогда как стихотворение Башлачёва – тему предназначения человека и поэта, тему поэта и поэзии в общем и, конечно же, главную для Башлачёва тему, – любви. Различия есть и в поэтическом языке. Язык Башлачёва более иносказателен, метафоричен, Ходасевич же представляет свою идею в конце догматично, как некий вывод: *«Затем, что мудрость нам единая дана: / Всему живущему идти путем зерна»* [3: 94].

Следующий пласт заимствований – заимствования из творчества В.С. Высоцкого. Обратимся к стихотворению «Слыша В.С. Высоцкого /триптих/» – своего рода диалогу двух поэтов. Вероятно, из этого исходил Башлачёв, выбирая структуру триптиха. В первой его части Башлачёв использует стихотворение В.С. Высоцкого «Корабли постоят – и ложатся на курс...» как в плане заимствования построения предложений, ритма, рифмовки, так и в прямом цитировании. Но Башлачёв противоречит Высоцкому. Сравним: *«Возвращаются все, кроме лучших друзей, / Кроме самых любимых и преданных женщин. / Возвращаются все, кроме*

тех, кто нужней. / Я не верю судьбе, / Я не верю судьбе, а себе ещё меньше» (Высоцкий [4: 45]) и *«Возвращаются все, и друзья, и враги / Через самых любимых и преданных женщин. / Возвращаются все. И идут на круги. / И опять же не верят судьбе. Кто больше, кто меньше»* (Башлачёв [2: 15]). В данном случае представлена тема судьбы как круга или спирали, возможности возрождения и перерождения. Заменив слово «кроме» на «через», Башлачёв разворачивает мысль Высоцкого о несправедливости судьбы в несколько иное русло: повторяющегося раз за разом, круг за кругом жизненного сюжета. В таком переосмыслении «самые любимые и преданные женщины» становятся важным элементом жизненного круга. Вторая часть триптиха не имеет заимствований. Если представлять стихотворение как диалог, то вторая часть – реплика Башлачёва. И в этой реплике Александр Николаевич обобщает все свои главные мысли: об искупительной любви к ближнему, о значении Слова, о свойствах времени.

Третья часть триптиха возвращает нас к Высоцкому, вернее к теме «колеи» в его творчестве. Но у Башлачёва колея проходит по воде. Что это значит? Значит, что её невозможно увидеть, можно только поверить или не поверить в её существование. Башлачёв верит, но, веря в то, что всё предопределено судьбой (колеёй), Александр Николаевич говорит о желании свернуть с неё: *«Колея по воде... Но в страну всех чудес / Не проехать по ней, да ещё налегке, да с пустым разговором»* [2: 15]. И снова рефреном звучит тема Высоцкого, цитата из его стихотворения «Он вчера не вернулся из боя»: *«А наши мёртвые нас не оставят в беде./ Наши павшие как на часах часовые»* [2: 15]. И снова Башлачёв заканчивает строфу на свой лад: «*Но отражается небо во мне и в тебе / И во Имя имён пусть живых не оставят живые»* [2: 15]. Это можно рассматривать как подведение итогов диалога поэта с поэтом, а можно и шире – как способность увидеть Бога («небо») в ближнем, как желание обратить внимание на этих ближних, тех, кто ещё жив и нуждается в тебе. Но всё главное Башлачёв поместил в последних строках: *«И несётся сквозь тучи забористый смех: / – Быть – не быть? В чём вопрос, если быть не могло по-другому!»* [2: 15]. Любопытно, что в этом стихотворении Башлачёв апеллирует не только к текстам Высоцкого, но и к его сценическому образу, к Гамлету. Есть у Владимира Семёновича стихотворение «Мой Гамлет», одна строка из которого отражает основную мысль башлачёвского триптиха: *«В рожденьи смерть проглядывает косо»* [4: 301]. И заканчивается «Мой Гамлет» созвучно триптиху: *«А мы всё ставим каверзный ответ / И не находим нужного вопроса»* [4: 301].

Знаковое стихотворение Башлачёва «Время колокольчиков» построено на трансформации образа «колокола», использованного Высоцким в стихотворении «Песня о России», а также образа церковного купола. Владимир Семёнович создаёт мощный, даже гнетущий образ Храма: *«В синем небе, колокольнями исколотом, – / Медный колокол, медный колокол / То ль возрадовался, то ли осерчал. / Купола в России кроют чистым золотом, / Чтобы чаще господь замечал»* [4: 361]. В последних строках явственно чувствуется авторский упрёк людям за попытки через материальное приблизится к духовному (Богу). Башлачёв же идёт ещё дальше: *«Но с каждым днём времена меняются. / Купола растеряли золото. / Звонари по миру слоняются. / Колокола сбиты и расколоты»* [2: 11]. На смену «медному колоколу» приходят «колокольчики», с куполов сбивается позолота. Люди больше не ищут Бога.

Цели использования заимствований в лирике Башлачёва различны: от создания иронии до иллюстрации суждений автора. Разумеется, не все заимствования автором осознаются. Но главным назначением заимствования является включение текста в литературную традицию, возможность сделать стихотворение близким и понятным каждому читателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское Библейское общество, 1997. – 1338 с.

2. *Башлачёв А.* «Как по лезвию...»: сборник песен и стихов / А. Башлачёв. – М. : Время, 2005. – 255 с.

3. *Ходасевич В.Ф.* Стихотворения / В.Ф. Ходасевич. – Л. : Советский писатель, 1989. – 462 с.

4. *Высоцкий В.С.* Избранное / А. Высоцкий. – М. : Советский писатель, 1988. – 508 с.